

И. В. Побережников

Институт истории и археологии УрО РАН

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РОССИЙСКИХ МОДЕРНИЗАЦИЙ

Кардинальная трансформация, связанная с движением от «традиционности» к «современности», получила в науке наименование модернизации. Модернизационная перспектива в первую очередь призвана решать проблемы, связанные с объяснением перехода от традиционного, аграрного к индустриальному, современному обществу. Данные проблемы сохраняет свою актуальность для значительной части стран и народов, населяющих современную планету; значима данная проблема и для России, которая осуществляет сегодня грандиозную трансформацию, призванную завершить постройку современного общества. Вероятно, проблема модернизации остается значимой и для наиболее развитых обществ мира, в которых индустриальный сектор экономики по-прежнему играет немаловажную роль; а процессы глобализации предъявляют им новые вызовы, требующие новых ответов.

При этом понятие модернизация сегодня употребляется в различных смыслах: 1) для обозначения широкого многовекового перехода от традиционности к современности; 2) многовариантного процесса, в ходе которого отстающие догоняют ушедших вперед; 3) для характеристики преобразований, совершенствований, реформ, внедрения инноваций, которые осуществляются в современных уже современных обществах в ответ на новые вызовы; 3) для объяснения усилий, предпринимаемых странами мировой периферии (Третьего мира) с целью приблизиться к характеристикам наиболее развитых обществ; 4) для описания трансформаций, переживаемых постсоциалистическими странами.

Значительная часть концепций модернизации исходит из того, что именно западная социокультурная система, впервые возникшая в Европе и с тех пор нигде больше не сформировавшаяся на собственной, эндогенной основе, обладает значением эталона для всех других обществ. Между тем, зауженный подход (ориентированный только на западный эталон), существенно обедняет возможности его полноценного использования применительно ко всемирной истории. Модернизация протекала в различных культурно-цивилизационных контекстах, опираясь, соответственно, на различные социокультурные традиции. Именно включение цивилизационно-культурного измерения позволяет выйти за рамки устаревшей теоретической конструкции и рассмотреть российскую модель модернизации как

результат воздействия матричных цивилизационных структур на ход и характер развития¹.

В связи с этим одним из перспективных направлений модернизационных исследований является выявление роли и значения институционально-цивилизационных основ и механизмов для формирования российской модели модернизации (XVIII–XX в.), определение соотношения эндогенных и экзогенных факторов в процессе становления и развития российской модели модернизации, определение закономерностей и особенностей механизмов внутреннего генезиса и импорта и усвоения нововведений, их влияния на природу российских социальных институтов и систем культуры; выявление матричных цивилизационно-культурных факторов российских модернизаций; анализ воздействия социокультурных механизмов на динамику и характер российских модернизаций; определение вклада модернизационного процесса в обеспечение цивилизационной динамики России.

Процессы модернизации можно и следует изучать на разных общественных уровнях, поскольку последние не сводимы элементарно друг к другу, и ни один вывод, касающийся определенной сферы, не может, согласно «закону уровня» З. Кракауэра, автоматически переноситься на более общую сферу². Наиболее высокий уровень обобщения – мировой, уровень мир-системный (функциональная специализация стран ядра, периферии и полупериферии в рамках капиталистической мир-экономики). Для национально-странового макроуровня изучения модернизации по-прежнему значимым является вопрос о факторах дифференциации страновых ответов на вызовы modernity. К числу таких факторов, в частности, относят общий уровень развития, достигнутый страной к тому моменту, когда внешняя конкуренция начинает оказывать непосредственное влияние на внутренний рынок; размеры внутреннего рынка; время вступления страны в модернизационный процесс; выбор стратегии развития. Вряд ли возможно получение глубоких знаний о сути модернизации без анализа субстранового (регионального) мезоуровня, поскольку территориальные (региональные и субрегиональные) общности могут по-разному вести себя в общестрановом модернизационном контексте – выступать региональным фактором модернизации или, напротив, тормозом, «якорем» отсталости, амортизирующим модернизационные импульсы, исходящие из центра или более продвинутых регионов. Наконец, необъятный простор для исследований представляет локальный уровень. Разнообразие ситуаций модернизации (локальные агенты модернизации или ее противники; реакции локальных сообществ на модернизационные процессы, включение в них или их отторжение, переживание, приспособление, избегание и т. д.) разрастается здесь до наивысших пределов. Самое главное – это самостоятельный уровень исследования, который невозможно заместить знаниями, добыты-

ми, допустим, при изучении страновых или субстрановых модернизационных процессов. Естественно, адекватным инструментом изучения локальных проявлений модернизации может стать микроисторический инструментарий²⁰ с его ориентацией на детальный анализ реальной жизни и взаимоотношений множества людей, стремлением увидеть преломление общих процессов «в определенной точке реальной жизни», установкой на реконструкцию («расплетение») «всякой социальной констелляции» как «результата взаимодействия бесчисленных индивидуальных стратегий».

Поскольку на процессы модернизации всегда оказывал воздействие географический фактор, существенно важным направлением изучения российских модернизаций следует считать пространственное распространение волн модернизации, региональные особенности разворачивающихся модернизационных субпроцессов, складывание своеобразных региональных структур модернизации, включающих инновационные центры и периферию развития, наконец, региональные взаимодействия в контексте модернизации, сопровождающиеся как модернизационными импульсами со стороны более продвинутых регионов, так и реакциями периферии, способными адаптировать или гасить подобные импульсы. Сегодня снова актуализируется тема анклавно-«прорывного» развития, в связи с чем требуется серьезный анализ перспектив концентрации усилий на отдельных направлениях научно-технологических прорывов (военно-промышленное производство на протяжении российской имперской и советской модернизации, железнодорожное строительство в эпоху Витте, космическая отрасль в советский период, сегодня, например – проект инновационного центра «Сколково»).

Дискуссионным и нуждающимся в дальнейшем изучении является вопрос о механизмах, политике модернизации. В обществоведческой литературе определенной популярностью пользуется эволюционистская трактовка модернизации, которая предполагает всеобщее стадияльное движение от примитивных к более сложным, совершенным формам социального бытия согласно универсальным закономерностям преимущественно эндогенного характера. Следствием подобного подхода становится неисторическое противопоставление «правильной» либерально-рыночной модернизации, которая осуществляется спонтанно, естественно, подчиняясь непреложным рыночным законам, без интервенции государства в экономическую сферу, «неправильной» мобилизационной модели развития, который имеет произвольную, неестественную природу и неизбежно ведет избравшие ее общества в тупик (противопоставление, например, т.н. мобилизационных и инновационных моделей, развития). Между тем, подобное понимание самого процесса модернизации, а также противопоставление мобилизационных механизмов истинно модернизационным вряд ли можно признать корректным.

Дело в том, что исторически известные модернизации в своем большинстве несомненно включали мобилизационные механизмы и являлись по сути догоняющими³. В связи с этим вопрос о своеобразии мобилизационных механизмов в контексте страновых и региональных вариантов модернизации заслуживает внимания. Можно, вероятно, говорить о двух различных уровнях мобилизации, которые в разной степени присутствуют в разных обществах. Очень надежным мобилизационным механизмом представляются фундаментальные институционально-культурные структуры, выступающие в качестве каркаса, ядра цивилизаций. Подобные ментально-ценностные структуры обнаруживают завидную, «вневременную» устойчивость, накладывая отпечаток на цивилизационную динамику, в том числе модернизационную. Именно под воздействием подобных структур модернизационные процессы приобретали различные конфигурации в разных цивилизационно-культурных контекстах.

Другой уровень мобилизации обеспечивается политико-идеологическими механизмами (разработка стратегии национальной модернизации, индустриализации, национального строительства и т. д.). Подобные механизмы в разной степени присутствовали в истории всех модернизированных обществ, компенсируя в некоторых случаях недостаточную эффективность цивилизационно-культурных мобилизационных механизмов. Значимость политико-идеологических механизмов в особенности возрастала в периоды обострения межстрановой конкуренции, эпохи войн, национальных катастроф. Отдача подобных механизмов существенно возрастает, если удастся обеспечить не только мобилизацию ресурсов для ускоренного развития, но и заинтересованность как можно большей части общества в осуществлении модернизационного проекта.

Очевидно, что процесс модернизации не является элементарно векторным, в его ходе происходит сложное взаимодействие различных динамик: поступательных и циклических. Направленные и циклические динамики проявляются на всех уровнях и во все периоды исторического процесса; взаимно пересекаясь, они оказывают обоюдные воздействия, подвергая друг друга своеобразной иррадиации. Проблематика соотношения циклической и поступательной динамики в контексте модернизации, места циклической динамики в общем процессе модернизации также нуждается в дальнейшем углубленном изучении.

Специального изучения требует само состояние «переходности», выступающее в историческом процессе как своего рода временная пауза, разделяющая качественно различные системные состояния общества. Следствием дифференциации темпов изменения социальной материи становится длительное сосуществование разностадиальных, разнотипных, разновекторных социальных механизмов (укладов, анклавов), сегментов, проектов, которые функционируют отнюдь не в вакууме, а в плотном ис-

торическом контексте, образуя исторические констелляции, оказывая друг на друга воздействия, приводящие к обоюдным трансформациям. Проблема здесь состоит, с одной стороны, в том, что механизмы функционирования укладов и анклавов в инородном контексте могут подвергаться коррекции, которая должна стать предметом скрупулезного исторического расшифровывания; с другой стороны, общая динамика переходных периодов не может элементарно подсчитываться путем арифметического суммирования динамик ее составляющих, но требует разработки специальных теоретико-методологических подходов.

¹ См.: Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение: материалы Всероссийской научной конференции, 2-3 июля 2009 г. Екатеринбург, 2009.

² Обоснование многоуровневого изучения модернизации см.: *Побережников И. В.* Уровни изучения модернизации: мировой, цивилизационный, страновой, региональный, локальный (теоретические аспекты) // Там же. С. 55—65.

³ См.: *Побережников И. В.* Мобилизационные механизмы в контексте модернизации (теоретические аспекты) // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века. Сборник материалов всероссийской научной конференции. Челябинск, 28-29 ноября 2009 г. Челябинск, 2009. С. 95—101.

В. Е. Прохоров

Уральский государственный университет

**ЕГОР ФРАНЦЕВИЧ КАНКРИН:
УЧЕНЫЙ-ЭКОНОМИСТ, ФИНАНСИСТ-ПРАКТИК**

Егор Францевич Канкрин (Георг Людвиг фон Канкрин) приехал в Россию, где служил его отец, в 1797 г. Его карьера началась в 1800 г. с должности помощника управляющего Старорусским соляным заводом. Затем он занимал различные должности по ведомству Министерства внутренних дел, а в должности советника по отделению соляных дел Экспедиции государственной экономии совершил несколько служебных поездок, которые помогли ему изучить страну.

В 1809 г. Е.Ф. Канкрин написал первую работу – «О военной экономии во время мира и войны и ее отношений к военным операциям». Ее высоко оценил министр М.Б. Барклай-де-Толли, а приведенный в работе проект «О средствах продовольствия больших армий» заслужил одобрение императора.

Указом Александра I в феврале 1811 г. Е. Ф. Канкрин стал служить помощником генерал-провиантмейстера в военном департаменте, через год назначен генерал-интендантом Первой западной армии, а в апреле 1813 г. – генерал-интендантом Российской действующей армии. Он при-